

еще в «Пунктирах»: «Как раньше романтики писали про кладбища, так теперь в самиздате пишут про лагерь. “Застолбили тему”» (с. 168).

Постепенно раздражение *замполиткорректностью* («Дребезги». С. 10) у Бориса становилось сильней и сильней. Его не оставляли безучастным (или, как он любил говорить, *флегматичным*) ни мнимая борьба за расовое равноправие в форме запрета на традиционные термины — отсюда его шутка о *юдо-американцах* («Дребезги». С. 9), ни *гейфория* («На бреющем полете». С. 313): акцентирование одних проблем в ущерб другим, вырывание их из контекста. И друзья молодости, и литературная (и не только) молодежь, вступившая в нешуточное противостояние с совсем иными врагами, вряд ли даже понимали, о чем идет речь. А речь шла о том, что могучие новые враги, используя глобалистскую пропаганду, мобилизуют культурное и протестное сообщества на войну с потерявшими всякую силу и опасность врагами вчерашними.

*

Борис умирал героически: после паллиативной операции он снова стал писать письма (за десять дней до смерти описывал мне крестный ход на Невском проспекте в память о перенесении мощей благоверного великого князя Александра Невского). В телефонных разговорах стал строить планы (однажды даже перезвонил, чтобы добавить еще одну забытую деталь). В самом последнем разговоре — с радостью рассказывал, что появились силы доходить до церкви (в двух кварталах от дома) и ставить свечи.

Мир действительно *не поймал* его, но по своему дьявольскому свойству не мог не осквернить тишины в день его смерти: первое же новостное агентство сообщило: «Умер Борис Останин, переводчик Кастанеды...» Затем эту заслугу подхватили другие. Единственное, что этот *мир* счел пригодным для продажи. Пятьдесят лет назад Боря записал («Пунктиры». С. 34):

Единственное, на что я *абсолютно* способен, — это смерть.
Всё остальное — «дело случая».

Михаил Куртов

О значении числа 37 (73) в житнетворчестве Бориса Останина

В эссе «Ономатург из кочегарки»¹ мы установили три концептуальных столпа исследовательского метода Бориса Останина: кратилизм, герметизм и пифаго-

1 Куртов М. Ономатург из кочегарки. Памяти Бориса Останина, мастера петербургского свободомыслия // Нож. 2023. 1 октября (<https://knife.media/ostanin/> (дата обращения: 21.01.2024)).

реизм. Первый отсылает к практике установления «правильных имен», описанной в платоновском диалоге «Кратил» (как она проанализирована в книге Ж. Женетта «Мимологики»²); второй — к связанному с традицией герметизма феномену «сверхинтерпретации» (как он тематизирован в статьях У. Эко³); третий, соответственно, к поискам пифагорейцев (как они описаны, скажем, в книге Ямвлиха⁴). На основании этого мы сформулировали останинский метод: 1) определение «правильных имен»; 2) установление связей между «правильными именами»; 3) приведение «правильных имен» в систему (конфигурацию).

Наше эссе заканчивалось упоминанием привязанности Останина к числам 3 и 7 и в особенности к их цифровым комбинациям — 37 и 73 («моя давнишняя убежденность в мистических особенностях числа 37»⁵). По числу 37 он даже дал название самой длинной серии своих книг («Тридцать семь и один», 2017; «Тридцать семь и два», 2018, два тома; «Тридцать семь ровно», 2019). В диалогии «Дребезги» (2018, 2019) число 37 (точнее, последовательность цифр 3 и 7) повторяется в различных контекстах 73 раза, число 73 — 33 раза. Большинство знакомых Останина относились к этой его триаконтаэптафилии как к странному курьезу, некоторые даже как к чему-то постыдному, как постыдны в среде интеллектуалов любые мистические суеверия (особенно нумерологические). Все меняется, однако, если стоит задача определить значение какой-то мании или идефикс в чьей-то исследовательской или творческой практике: пренебрежительное отношение к ним препятствует пониманию последней.

Известны случаи, когда привязанность к определенным числам давала интересные исследовательские результаты. Например, психолог Джордж Миллер — автор известного «закона», согласно которому кратковременная человеческая память, как правило, не способна удерживать больше 7 ± 2 элементов, — начинает свою статью «Магическое число семь» со следующего признания:

Моя проблема в том, что меня преследует одно целое число. На протяжении семи лет это число следует за мной повсюду, вторгается в мои самые личные данные, нападает на меня со страниц наших самых известных журналов. Это число принимает различные обличья, иногда будучи немного больше, иногда немного меньше, но никогда не изменяясь настолько, чтобы стать неузнаваемым. Настойчивость, с которой это число одолевает меня, есть нечто гораздо большее, чем простая случайность. Если процитировать одного известного сенатора, есть некий замысел, скрытый за этим, некий паттерн, управляющий его появлениями. Либо в этом числе действительно есть что-то необычное, либо я страдаю манией преследования⁶.

Страсть к этому числу далеко не уникальна, скорее наоборот: числа 7 и 3 лидируют по популярности, согласно общественным опросам⁷ (на первом месте

2 *Genette G. Mimologiques. Voyage en Cratylie. Paris: Seuil, 1976.*

3 *Eco U. Interpretation and Overinterpretation / Ed. by S. Collini. Cambridge University Press, 1992. P. 45.*

4 *Ямвлих. Жизнь Пифагора / Подгот. изд. В.Б. Черниговского. М.: Алетея; Новый Акрополь, 1998.*

5 27 сентября // Останин Б. Тридцать семь и один: Схемы, мифы, догадки, истории на каждый день 2017 года. СПб.: Амфора, 2015. (В этой серии книг отсутствует пагинация, поэтому ссылка дается только на указанную календарную дату записи.)

6 *Miller G.A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on Our Capacity for Processing Information // Psychological Review. 1956. No. 63(2). P. 81.*

7 *Bellos A. The Grapes of Math. How Life Reflects Numbers and Numbers Reflect Life. New York: Simon & Schuster, 2014. P. 15.*

обычно 7, на втором — 3). При этом убедительных объяснений — культурных или психологических — такого массового предпочтения именно семерки как будто нет. Можно говорить, что причиной тому — число планет в нашей звездной системе, известных древним (но сегодня известно больше), число ступеней в диатонической системе (но не нот, которых 12), число цветов в спектре (которое Ньютон, как известно, сознательно подогнал под число диатонических ступеней), число дней в неделе, то же «магическое число» Миллера и т.д., но этого всего недостаточно: почему тогда не 4 по количеству стихий или сторон света, не 5 по количеству пальцев на руке, не 12 по количеству месяцев в году и т.д.?.

Наша задача, однако, попытаться разобраться не с причинами любви к определенным числам или числам вообще (арифмофилии), а со значением конкретного числа в конкретном жизнетворческом проекте. Числа 37 и 73 действительно на первый взгляд обладают определенной математической и эстетической привлекательностью: во-первых, оба они простые (как и числа 3 и 7), во-вторых, сложение их разрядов дает 10 ($3+7=7+3=10$), а число 10 лежит в основании используемой нами системы счисления (принятой комиссией при Французской академии наук в 1790-е годы) и почиталось теми же пифагорейцами как самое гармоничное число (поскольку представляет собой сумму первых четырех натуральных чисел, которые мыслились ими как первичные качества бытия: $1+2+3+4=10$). (Здесь нужно сделать замечание о методе сложения десятичных разрядов в числах, используемом в «бытовой» нумерологии: математического смысла в этой операции мало, но есть «метаматематический» — складывая числа в разных разрядах, например, 3 и 7 в числе 37, мы как бы считаем самой системой счисления, ее позиционной структурой, а пифагорейцы бы, наверное, добавили, что складываем количество единиц и количество самых совершенных чисел, десятков.) Кроме того, 3 содержится в 7 дважды плюс 1 ($3+3+1=1+2\times 3=7$), а разница между 7 и 3 составляет 4 ($7\times 3=4$); таким образом, в *отношениях* этой пары прихотливо запакованы все четыре первых «пифагорейских» числа (1, 2, 3, 4).

Останин был по образованию математик (окончил математико-механический факультет ЛГУ). Западноевропейская, античная математика начиналась с аксиоматического метода: за основу берется суждение, принимаемое без доказательств, и из него дедуктивно выводится все остальное. Поэтому в принципе не важно, какое число кладется в основу жизнетворческого проекта: число 37 (или 73) может быть примечательным математически или эстетически, но оно могло бы быть также произвольным (насколько это позволяет скроенная по определенным меркам и мерам человеческая и физическая реальность) — важнее то, какие «выводы» из него делаются. В случае Останина это число становилось указанием на некую «синхронистичность» (если воспользоваться термином Юнга⁸), которая, в свою очередь, указывала на особость, сверхценность какого-то момента или события. Приведем примеры из его записей во втором томе книги «Дребезги»:

Столик № 37 на книжной ярмарке в ДК Крупской — собственность Жени Аношкина, который готов продать его издательству Чернышева.

Рост цен на нефть: 37 долларов баррель.

8 Юнг К.Г. О синхронистичности // Юнг К.Г. Сознание и бессознательное: Сборник / Пер. с англ. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 523—537.

28 августа, Останкинская телебашня, на высоте 370 метров застряли два человека.

Трамвай № 37 у Летнего сада (он здесь не ходит!); там же военный автобус ОО72ЕВ; в газете: «В Самаре 72 военнослужащих ушли в самоволку».

Сосед Сергей из 50-й квартиры (белили вместе с ним потолок):

— Я учился в школе № 137.

23 октября, 12.20, только включил ТВ: «Игорь Матвеев, избирательный округ № 37».

По просьбе В. Лапицкого искал в Публичке на Фонтанке газету «Le Monde» от 19 июня 1965 года. Ее индекс по каталогу: М37.

Телефонный робот: «Вы должны 73 рубля 50 копеек».

В почтовом ящике три рекламные карточки компьютерной помощи (обычно он пустой): 336-52-27, 937-05-58, 640-43-73.

16 марта в Музее Ахматовой вечер памяти Иванова (сорок дней) и Кривулина (14 лет со дня смерти, 17 марта 2001 года) — много народу. Арьев подарил последний номер «Звезды» с некрологом Б. Иванова. Некролог подписало 110 человек плюс сам Борис Иванович — 111 человек (37×3), притом что Арьев добавил к собранным мной подписям несколько своих.

Открылся 73-й Венецианский кинофестиваль.

В интернет-магазине «Указка» книга «37 и 1» продается за 377 рублей⁹.

Любопытно, что в какой-то момент с числом 37 в житнетворчестве Останина начинает состязаться за внимание число 27, что он также очень внимательно фиксирует. Здесь можно вспомнить о ленинградском самиздатовском журнале «37» (1976—1981), название которого также скрыто отсылало к 27: согласно сооснователю журнала Кривулину, число 37 возникает как приблизительный результат деления единицы на число e ($\approx 2,7$), которое он называл «метафорой творчества»¹⁰ ($1/e \approx 0,37$). Вот еще несколько цитат из «Дребезгов-2»:

Число 27 стало высокочастотным, оттеснив в сторону традиционное 37. Иногда в паре. Примеры: <...>

27 января 1837 года — дуэль Пушкина с Дантесом (27/37).

11 мая, 20.15, ошибочный телефонный звонок на работу в МДК:

— Будьте добры, Валю!

— Какой вы номер набирали?

— 325-27-27.

— А здесь 325-37-37.

Курс доллара: 27.73.

9 Останин Б. Дребезги-2. СПб.: Юолукка, 2019. С. 14, 119, 128, 237, 251, 252, 262, 263, 380, 382, 407, 427.

10 Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е — 1980-е / Под общ. ред. В.В. Игрунова. М.: Междунар. ин-т гуманитар.-полит. исслед., 2005. Т. 3. С. 297.

Без конца встречаются машины с номерами 27 и 37, несколько записал: сразу после собеса на площади Ленина, 1: К207РХ, В373РС, А307НА, чуть позже: милицйская машина О377ОМ, на дверце: 27 ОМ (27-й отдел милиции).

12 февраля с утра до вечера волна «27/37»: утром, когда переходил Заневскую площадь, автобус № 27; размен 5 долларов в Сбербанке (137 рублей); номерок в гардеробе РНБ № 207 и пр.

По пути к Марьяне Львовне: вагон метро № 3727, еще несколько 27 и 37 в том же духе. На ул. Рубинштейна, только вышел из библиотеки: тронулся с места легкой фургоном желтого цвета А307НА, следом за ним М377РМ, Monika Luck. В арке ворот к метро «Достоевская» — фургон Р370КТ¹¹.

Иными словами, число 37 не является для Останина нумерологическим абсолютом и может иметь альтернативы, что говорит о его относительной произвольности.

Главный вопрос здесь: в чем *общезначимость* этого индивидуального аффекта, этой привязанности к чему-то столь абстрактному и относительно произвольному? По образованию математик, Останин в своем житнетворчестве имел дело в основном с литературой, и именно в применении к письму нужно искать ответ на поставленный вопрос. Тогда можно истолковать значение числа 37 как произвольной *ключевой точки*, по которой *нарезается* поток речи, внутренней или письменной. Своей триаконтаэптафилической практикой Останин как бы отвечает на вопрос: *о чем писать?* Содержанием письма можно сделать каждодневные переживания (дневник), собственное детство (воспоминания), историческую реальность (документальная проза) и пр.: все это тоже определенные нарезки речи по ключевым точкам (или плоскостям, или объемам). Почему бы за такую точку не взять встречу с определенным числом? Содержанием этой встречи может стать что угодно — и текущее переживание, и воспоминание, и документ. «Торможение внешнего мира и есть процесс писания», — замечал Шаламов¹²; в случае Останина внешний мир «тормозится» именно в моменты встреч с числом 37 — и начинается письмо.

И когда письмо (или речь) уже началось, когда слова стали сцепляться друг с другом в связи с этой встречей, тогда может начаться также и исследование этого мира. После Юнга изучение «принципа синхроничности» (под которым он понимал непричинную связь между явлениями) не прекратилось. Скажем, в 1956 году увидела свет книга нидерландского психиатра ван ден Берга «Метаблетика»¹³: этот термин был введен им для обозначения науки об изменении человеческой психологии в ходе истории (от греч. *metablein*, «изменение»). Юнговскую теорию ван ден Берг дополняет оригинальным разделением синхронизмов на гомогенные и гетерогенные. Пример гомогенного синхронизма — рождение концепта детства в конце XVIII века в Западной Европе и возникновение в то же время феномена нуклеарной семьи. Пример гетерогенного синхронизма — открытие физиологической функции сердца и круговой циркуляции крови английским медиком Уильямом Гарвеем в 1628 году и вве-

11 Останин Б. Дребезги-2. С. 59, 30, 89, 116, 134, 201, 215.

12 Шаламов В.Т. Собр. соч.: В 6 т. Т. 4: Автобиографическая проза / Сост., подгот. текста, примеч. И. Сиротинской. М.: Книжный клуб «Книговек», 2013. С. 8.

13 Van den Berg J.H. Metabletica. Nijkerk: Callenbach, 1956. (Англ. пер.: The Changing Nature of Man. New York: Dell, 1961.)

дение в 1629 году католическим священником Иоанном Эдом почитания Святейшего Сердца Иисуса. Можно и письмо Останина, вдохновленное числом 37, рассматривать как метаблиетическое исследование гетерогенных синхронизмов, но не в макроистории, а в *микроистории*, в индивидуальной повседневности.

Мы хотим сказать, что значение этой триаконтаэптафии нельзя сводить только к литературной практике — вопрос об *объективном* значении числа 37 должен оставаться открытым (объективным в том же смысле, какой имеет, допустим, число 7 в «законе» Миллера). Тем более что привязанность Останина к этому числу не есть какая-то отдельно стоящая особенность: она, как уже было сказано, включена в его общий исследовательский проект, является одной из граней пифагорейского и герметического способов познания мира. В ответ на возможные «просвещенные» возражения относительно этих способов познания мы можем процитировать вывод из нашего исследования останинского метода (см. выше): «...ничто в культуре не уходит насовсем, все постоянно возвращается, и если текущий консенсус отторгает какое-то прошлое знание, то оно зачастую принимает извращенные, уродливые формы. Необходимо, таким образом, те, кто раскапывает и подхватывает “устаревший” образ мысли и если не обновляет его, то хотя бы наполняет новым содержанием, приспособливает к современности...»

Не избежал преследований этим числом и автор настоящего эссе: в процессе написания оно возникало тут и там без всякого удовлетворительного объяснения (начать хотя бы с того, что разница в возрасте между ним и Останиним составляет 37 лет и 7 дней). Какое значение автор усматривал в этих встречах? Очевидное: каким бы ни было *объективное* значение числа 37, огненные оно всегда будет означать *встречу* с самим Останиним, пусть и необъяснимую или еще не объясненную.

Борис Останин

Доклад о Драгомощенко¹

Мое предварение выступления Аркадия Драгомощенко призвано облегчить слушателям восприятие и понимание его стихотворений. Должен признаться, что не в силах вполне справиться с этой задачей, и вот почему.

Аркадия Драгомощенко, как и А. Парщикова, И. Жданова, О. Седакову, причисляют к сложным поэтам, однако сложность сложности рознь. Нередко ленивый на подъем критик спешит заклеить сложным непонятное, *не желая его понять*, и таким образом обеспечивает себе душевное алиби. Обычна и другая ситуация: критика, воспитанного на поэзии «неслыханной простоты»

1 В ноябре 2016 года Борис Останин передал мне на хранение несколько своих текстов времен самиздата, которые он набрал на компьютере. Публикуемые здесь выступления были в их числе. — *Примеч. А. Скидана.*